

## ЗАСТОЙНЫЙ АНЕКДОТ



МЯТЕЖНЫЙ КОВАЛЕНКО НА АРЕНЕ

голова, появилось ощущение пустоты. Быстро прогрессирующая глаукома грозила потерей глаза. После был направлен (сослан?) в Сибирь, в цирк, но уже по основной специальности. И это было отдыхом.

По возвращении были встречи. С Севастьяновым (Петр Николаевич распорядился отработать пропущенные по болезни три месяца униформистом. Но как-то ослабил бдительность, не проследил - униформистом Коваленко так ни одного дня и не работал), в апреле 80-го - с Колеватовым - еще генеральным директором. Снова каялся Коваленко, что все понял, что была серьезная ошибка, которую не повторит; просил восстановить в добром имени, в очереди на присвоение звания. В какой очереди? Разве ты забыл, как погорел в очереди за мясом? Словом, ответ получил простой и прямой:

# МЯСНОЙ БУНТ КОВЕРНОГО КОВАЛЕНКО

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

Всесоюзное ордена Ленина объединение государственных цирков

## ПРИКАЗ

13 июля 1978 г.

г. Москва

N 1929-к

Об артисте Коваленко В.А.

25 июня 1978 года на вечернем представлении Астраханского цирка произошел беспрецедентный случай: артист-коверный Коваленко В.А. в нарушение существующего порядка исполнил неутвержденную Союзгосцирком и не числящуюся в его репертуарном листе репризу. Артист Коваленко В.А. и ранее позволял себе исполнять не указанные в репертуарном листе репризы, на недопустимость чего ему указывалось устно.

Как известно, от репертуара артистов-коверных в основном зависит идейная направленность представления. Нарушение утвержденного текста может привести к искажению смыслового звучания репризы и снизить идейно-художественный уровень всего представления, что и произошло в Астраханском цирке.

За совершенный поступок артист Коваленко В.А. подлежит увольнению.

Тучная свинья, покрашенная в зеленый цвет, в начале века насилась по манежу одесского цирка на глазах у тучного, задыхающегося от гнева градоначальника по фамилии Зеленый. За эту проделку дрессировщик Дуров был выслан из города.

В июне 1978 года соло-коверный Виктор Коваленко выходил в Астрахани на арену в наброшенной простыне, под которой на голую спину были наклеены матерчатые лоскуты. На вопрос инспектора манежа, сдергивавшего простыню: "Витя, что с тобой, где ты так обгорел?", клоун отвечал: "На базаре в очереди за квасом". Только один раз то ли по усталости (дело было на третьем представлении), то ли по рассеянности оговорился. Вместо "в очереди за квасом" получилось: "в очереди за мясом".

Ничего себе оговорочка? Впрочем, никаких политических и даже гастрономических амбиций у Коваленко не было. В Астрахани он с удивлением ограничивался осетровой рыбой, которую тогда можно было достать даже не по знакомству.

И мясо тогда было - правда, не в магазине, а как раз на базаре - за пять рублей.

Публика в ответ на оговорку клоуна засмеялась, но как-то скверно. И сам он сразу почувствовал, что совершил... или преступил - еще не ясно что, но... мясо квасу совсем не равняется, и последствия будут. Так и сказал жене.

В понедельник - свой выходной, поехали на пляж, загорать - но покоя не было. А

когда вернулся в гостиницу - звонок директора цирка: "Витя, шухер страшный, уже первый секретарь обкома звонил Демичеву!"

Кто-то из партийных чинов присутствовал на злополучном представлении. Тогда же со дня на день ожидался приезд Косыгина на пленум астраханского обкома. В прицел - перекрестие этих двух выдающихся событий попал коверный клоун Коваленко.

Отделаться высылкой он не надеялся. Вину свою ощущал крепко, извинения и оправдания так и подталкивали друг друга у него в голове. Перед тем как отправиться на ковер к третьему секретарю обкома, зашел в магазин, купил новые брюки. Но - не помогло. Третий не принял. В отчаянии Коваленко пишет записку: "Если Вы меня не примете - закончу жизнь самоубийством, не выходя из обкома". Пожилой и, как запомнилось, косоглазый, в очках заместитель Бога впустил на два слова: аудиенции не будет, ваши документы отправлены в Москву министру культуры.

Вернулся в цирк - там ждала телеграмма за подписью заместителя генерального директора Союзгосцирка В.Горского: на выбор, либо срочно отправить провинившегося в Москву, либо директору астраханского цирка Монохову положить партбилет на стол.

Когда ехал в Москву, еще была надежда: 26 лет безупречной работы, благодарности, известность во всех частях света... Родное руковод-

ство родного главка в обиду не даст. Но - надежда надеждой, а сердце стало пошаливать. В кабинете у генерального Колеватова сидевшая рядом жена держала наготове нитроглицерин.

Наготове были и присутствовавшие там представители главка Горский, Егоров, Гусейнов, Ассовская, Котик. Последний, правда, во время разбирательства не проронил ни слова. "Уничтожение", по словам Коваленко, начал Колеватов, зачитав, как Левитан, телеграмму астраханского Обкома. Остальные подхватили ноту, и тянули ее как могли. Уж они-то знали, чем мясо отличается от кваса (Колеватов и Горский, по прошествии нескольких лет, сели за воровство) и с удовольствием объяснили это плакавшему перед ними и униженно просившему прощения провинившемуся. "Вас бы надо уволить и судить за своеволие, бесконтрольность и поведение, недостойное звания идеологически передового советского артиста", - сказали ему. И вынесли для начала строгий выговор. На следующий день в главк приехал замгенерального Севастьянов (ныне замдиректора Союзциркконцерта). Он пришел в ужас от несоответствия наказания истинной тяжести преступления и снова собрал кворум. На этот раз приказом на двух листах Коваленко был отстранен от работы на три месяца и переведен в униформисты.

Все три месяца предписанной работы в униформе провел в больнице. Начала болеть

"Тебе это дорого будет стоить". Платить отказался. Ушел из кабинета с резолюцией на своей просьбе: отправить в Кызыл.

Но еще суждено ему было получить удовлетворение: когда выступал на суде как свидетель обвинения по делу Колеватова и Горского; когда узнал от Юрия Никулина, что еще раньше Никулин и Шуйдин в присутствии Колеватова и тысяч зрителей повторили его репризу. На слова Никулина: "Обгорел в очереди за..." Колеватов даже встал, вцепившись в ограждение директорской ложи в ожидании последнего слова.

В первую после случившегося поездку за границу, во Вьетнам, Коваленко отпустили после смерти Брежнева. Там он выступил на самом престижном концерте и получил медаль Дружбы народов и орден почетного гражданина Вьетнама. Дальше с успехом работал у нас и за рубежом. Многие коллеги называли его "наш Дуров". По его сведениям, его фамилия уже стоит в списке на присвоение звания. В этот, может быть последний год, хотел бы поработать на елках в Олимпийском комплексе на Проспекте Мира. Вот только не уверен: что если Мильруд - директор Союзциркконцерта - включит в список его фамилию, а Севастьянов - из строгих моральных соображений - выключит?

К мясу Коваленко питает отвращение с Астрахани. Но эта беда поправимая: мясак как не было, так и нет.

С.СИМАКОВ

СОВЕТСКИЙ  
ЦИРК

1390-N41-Вход-  
(293) с.н

